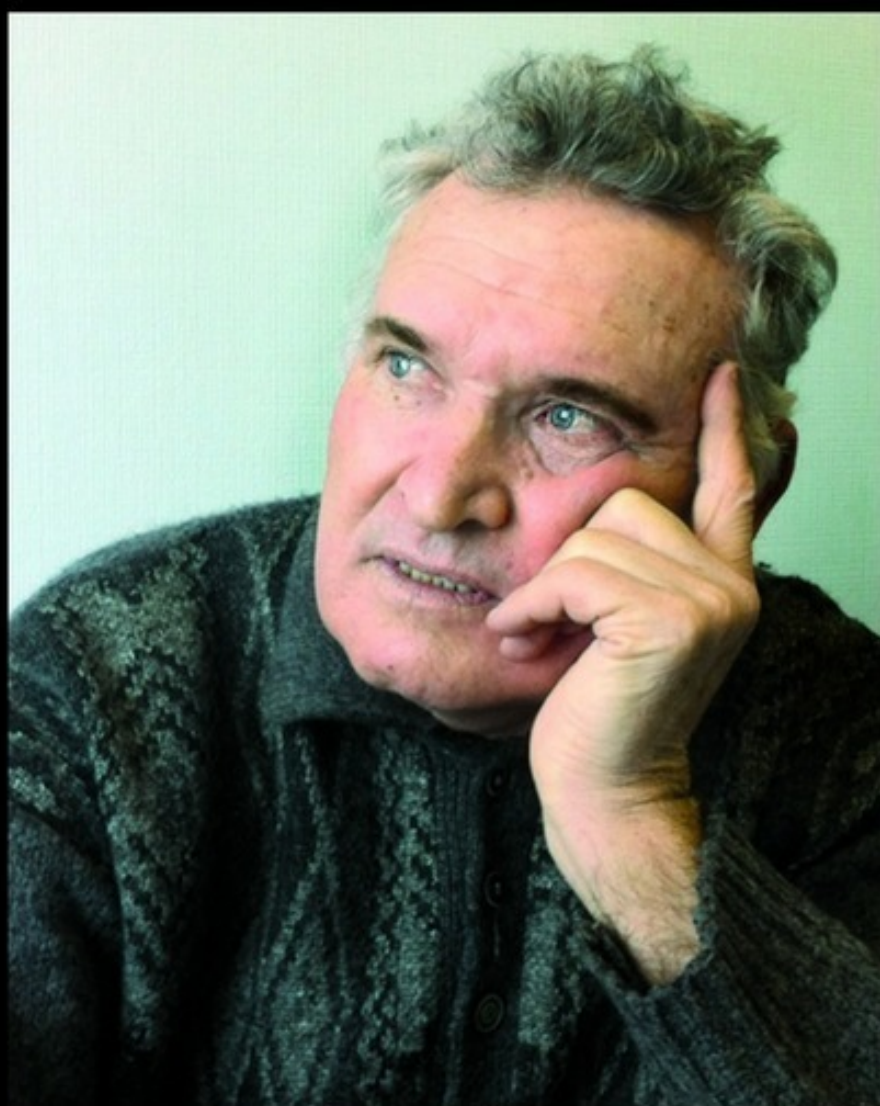


ВЛАДИМИР КОНАРЕВ

---

# Тропы судьбы

ПОВЕСТЬ



Владимир Конарев  
**Тропы судьбы. Повесть**

«Издательские решения»

**Конарев В.**

Тропы судьбы. Повесть / В. Конарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834534-0

В цехе под открытым небом работа одна: по наряду Бога. Он может выдать благодать, солнышко, а может ливень или, пуще того, ледяной ветер. А ты, землероб, терпи! Дед-казак терпел, отец, терпи и не хнычь. Рядом вверенные помощники делу и земле. Ты и они стали на тропу возделывания зерновых культур. Это их тропы судьбы и агронома тоже. Судьба не всегда благосклонна. Она твоя тень! Она на тропе. Попробуйте и Вы, дорогой читатель, пройтись по тропам судьбы. Взгляните в её лицо.

ISBN 978-5-44-834534-0

© Конарев В.  
© Издательские решения

## Содержание

Портрет деда	6
Отец	7
Садовод Харченко	11
Годы-птицы	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Тропы судьбы**  
**Повесть**  
**Владимир Конарев**

© Владимир Конарев, 2016

ISBN 978-5-4483-4534-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Портрет деда

У меня на столе – портрет казака, моего дедушки Василия Романовича Смыкова. Старинный портрет с подписью фотографа – оригинал в твёрдом картоне. Есть и рисованный портрет. Оба они – память. Оба дороги мне. Однако в рисованном портрете нет двух серебряных Георгиевских крестов, медали, знаков отличия, нет за поясом кинжала. А это всё – главное для меня было и есть!

Рисованный портрет во времена моего детства хранился около зеркала. Висел он на гвозде, вбитом в дощатую стену.

Всякий раз, когда я оглядывал себя в зеркало, дедуля смотрел на меня, а я на него. Строгий, серьёзный взгляд остерегал меня от многих необдуманных поступков. Особенно вспоминался взгляд. Когда же меня подстригали «под Котовского», я обязательно оценивал стрижку в зеркале. И, казалось, дедушка вот – вот откроет рот. Подкрутит «будёновские» усы, и одобрит мой новый вид: «Любо, внучёк, любо!». Но дед на портрете невозмутимо молчал и по-прежнему лучил взгляд.

Из далёкого детства припоминаю тот вечер, когда мамуля, смахивая пыль, осевшую на стекло рамки, сказала: «Ты просил однажды о том, что вот было бы хорошо, если бы дед хоть словечко вымолвил. А так, мол, смотрит и смотрит молча». Сказала так, а сама вытерла нахлынувшие слёзы. Давно это было, а, надо же, припоминается...

Настоящий портрет на твёрдом картоне появился неожиданно и случайно, в тот отрезок времени, когда была жива мамуля, а у меня не было семьи. Приехала из грузинского города Зугдиди Нелли, моя двоюродная сестра. Её мама Александра – старшая из трёх дочерей Смыкова.

Распаковала сестричка багаж. Загадочно подмигнула нам с мамулей и – хлоп на мамину ладонь портрет дедули. Мы почти разом ахнули. Мама тут же – в слезы. Взяла дорогой портрет, гладит любимое лицо, а слёзы, слёзы... слова сказать не дают, и всё же выдохнула:

– Я знала, знала, что портрет объявится. И вот он! – а сама вновь в слёзы. – И где же он хранился, Неля?

– На потолке, в старом сундучке. Мама перед смертью просила поискать там, «если не обгрызли мыши», – ответила Нелли.

Вечером я рассматривал драгоценный портрет: обмундирование, награды, кубанку, кинжал. Расспрашивал о наградах, о подвигах деда. Словом, о том, что помнит мама и что ей рассказывала бабушка Анна Ефимовна. То, что тогда узнал, сейчас с трепетом вспоминается.

«Папа слыл отчаянным и смышленным. Суди сам. Приписав два года, ушёл на первую мировую войну, где и отличился. За какой подвиг, не знаю. Только фото тех лет как бы само говорит: «Видишь на груди медаль? Боевая! Гордись, сынок! Кресты – серебряные».

Давно это было. Много позабылось. Осталось фото.

Оно и сейчас немногословно. Язык его краток. Память вечна, пока течёт река времени. А время, как река Чамлык, течёт по сей день, только реке неведомо, что уже иное поколение купается в её воде. Припоминается такой эпизод.

Анна Ефимовна рассказывала о том, как в старину жили казаки, какие строили хаты, что выращивали на своих наделах в поле.

Сидя на скамеечке под любимой яблоней мужа Скороспелкой, Ефимовна пела мелодичные казачьи песни. Их мелодия и слова сердечно ложились на дно души, согревали её. Ночные шорохи кроны не пугали, когда звучали грустные ноты о гибели казака на войне.

Сколько минуло лет, а нет-нет да припомнятся те минуты у яблони.

## Отец

...Время беспрерывно катит своё колесо. Вот раскатило и отрезок ленты повести, пока-тилось... дальше – к советскому периоду моей жизни. А тут и школа, и работа в поле рядом, на сиденье трактора.

Минула одна война, другая. Сколько станичников она поглотила, толком-то никто не знает и, пожалуй, никто и не расскажет, разве что вспомнятся общие слова на памятниках и захоронениях.

Вернулись немногие из миллионов. Вернулся с фронта и мой отец. Бывший политрук роты сел за рычаги трактора. Пахарь он был знатный. О таких говорят в народе: днём с огнём не найдёшь. И не потому, что был плечист и силён, а потому что был немногословен и за любую работу брался с охоткой. Да и «коня железного» изучил до винтика, что тоже имело значение.

Кроме всего этого, отец быстро сходился людьми. Умел убедить в нужности дела и решения свыше. Словом, он и в мирное время был политруком по своей воле, по характеру поведению.

А что касемо качества пахоты, то следует добавить, что, оно, качество, тоже было в зачёте знатному станичнику.

Возьмём такой пример.

Являлась в станицу, Петропавловскую, какая – нибудь знаменитость и пыталась соревноваться на вспашке чернозёма с местными. Но уж тут, не обессудь. Тяжко тягаться, в том числе и с моим папкой.

О, да! Сколько времени после этих гонок горел на загоне костёр спора – о глубине захвата лемехом, об огрехах между борозд, о распашке концов загонки. Каждому было по сердцу стать признанным пахарем, вырасти в глазах бывалых пахарей – дедов, да и всех зрителей. Многие и сегодня знают толк в качестве вспашки.

И главное: нередко бывало, когда кто-то из приезжих, погостив день-другой у земляка, оставался в станице насовсем. Лучшего места для души с крестьянской закваской было не найти. И новый станичник ни о чём впоследствии не сожалел, а благодарил случай и Бога.

И тогда улыбался папа «приписанному» к казакам и гуторил:

– Принимаем! Любо, дорогой! Любо! Вживайся в нашеньское дело! Чем сможем, поможем: и делом, и советом.

А отцу опыта в крестьянском деле было не занимать, думалось – кому бы передать. Не одна – сотни загонков распаханно. Послушный плуг знал почерк его руки. Прямолинейности борозды завидовали многие пахари. Учились у него росписи плугом при каждом удобном случае.

– Наш Корнев, – говорили станичники, – пахарь из пахарей, да плюс рекордсмен по сменной вспашке. Угнаться за его усидчивостью в седле трактора не каждому по плечу. Послушны рычаги на поворотах!

В разгар весенних, а чаще осенних, полевых забот, он брал в поле меня. Конечно, не всю рабочую смену я высиживал рядом, но все же достаточное время. Приходя со стана бригады в загонки поля, подолгу смотрел на трактора, на растения, вдоль которых полз культиватор или тянулась сцепа борон. Подсаживался слушать беседы пахарей в обеденный перерыв.

– Пап, – просил, пользуясь, случаем краткого отдыха, – дай порулить! Иногда перепало. Сидя рядом с отцом в кабине, учился рулить. Но это было не просто, зато восторгов – через край!

– А рычаги, пап, как вожжи коню? Да?

– Почти. Только они из металла.

Но чаще, сидя в тени лесополосы, любовался действием агрегатов. Когда трактор, урча, вползал на макушку склона, то мне казалось, что трактор въедет в небо и вспашет тучи. Тучи тогда представлялись квадратами полей.

Текли минуты мечтаний и воображения: то сам сижу за рычагами, то трактор без человека пашет поля неба.

Мечта, как полноводная река, текла и текла. А говор мотора был песней. Как-то спросил:

– А почему один мотор урчит тяжело, другой – легко?

– Они, как люди, тоже разные, – отвечал отец.

– Или как друзья?

– Можно и так сравнить.

Хорошо помню те дни, когда отец дневал и ночевал в поле. Не было никакой возможности взять меня в поле, я, придя из школы и приготовив уроки, усаживался за калиткой на лавочку и ждал отца. Ждал из-за угла улицы автомашину, которая развозила пахарей по домам. А то и просто бродил по двору, томясь в ожидании.

– Ма-а..., скоро папка вернётся?

– Видишь, смеркается, скоро зафырчит грузовик.

Получив ответ, брёл вновь к лавочке и погружался в полевые мечты.

Грузовик, как всегда, задерживался. Кончалось терпение ждать.

– Ма-а, а папка обещал, как приедет, в гости ходим к соседу. К нему друг приехал. Знаменитый. Комбайнёр. Награды у него есть.

– Пообещал, значит ходите. Наш отец – человек слова. Жди.

Слушал ответ, а ухо обрабатывало звуки шоссе. Наконец-то ловило звук мотора, и грузовик выныривал из-за угла.

– Ура! Папка приехал! – и со всех ног встречать.

Когда повечеряли, отец напомнил:

– Собирайся. Идём. Нас ждут.

Знатный комбайнер дядя Ваня Сергеев увлекательно и детально рассказывал о комбайне новой марки. Я внимательно слушал. Запоминал. Оказалось, что комбайн, как и трактор, любит и смазку и ласку, не отказывается и от запчастей. А на жатве трудится больше человека.

– Любит руки одного хозяина, – утверждал Сергеев в процессе рассказа.

– Да, – соглашался отец, – вы, Иван, – истинный знаток техники. Не за красивые слова в поле награждают, а за дела.

– А что может ваш сын? – поинтересовался Иван Сергеев, глядя мне в лицо.

– Володя, – отец чуть призадумался, оформляя мысль. – Да многое: самостоятельно запустит «пускач», переключит, чтобы получить устойчивые обороты движка, ну, и у рычагов не растеряется, тронется, опустив плуг, начнёт пахать. Конечно, под моим присмотром.

– Правильно, Васильевич, учи нам смену. Я вот в его годы такого ещё не умел. Некому было учить. Учила жизнь.

Слова Сергеева, наверное, крепко запали в душу отца. Он с той поры не переставал думать о сказанном и часто повторял:

– Ладно, я – пахарь. И умру пахарем. А что с тобой? Мечтаешь быть агрономом. С одной-то стороны, верно, а с другой – не очень... Твои сверстники стремятся в город: кто учиться, кто работать. В поле не заманишь калачом, а ты твердишь своё: «Люблю жить в станице!»

Я знал, что отцу рисовалось иное моё будущее. Папка любил скрипку, хотя и не играл. Ни на чём! Любил слушать мелодии скрипача – станичника Подоброя. Тот к тому же был дока по колёсному делу. Мог одеть в деревянные колёса любую бричку, линейку, бедарку. А в обеденный час выдать мелодию.

Слушая Подоброя, отец видел меня знаменитым скрипачом на сцене.

– А почему бы и нет? – говорил, вслушиваясь в чудесные мелодии Вивальди.

Но это были его мечты.

– Володя, – спрашивал, когда я нехотя вставал с сидения трактора, – хочешь быть агрономом или трактористом?

Я понимал: отец лелеет мечту. А с сидения просит сойти лишь потому, что план смены надо выполнить. Время поджимает, на носу другие срочные работы. Дела полевые не отодвнешь.

При обсуждении вопроса, кем быть, моё сердце всякий раз замирало.

– Пап, ты почему спрашиваешь? Ты же знаешь, о чем я давно мечтаю. Сергеев – комбайнер, ты – механизатор, а я буду агрономом!

– Да знаю, это я так, для верности хотел узнать.

– А я знаю, ты хотел, чтобы я стал скрипачом?

– Думал. Теперь не думаю. Своё твердишь. Будь по-твоему!

После такой душевной беседы я уходил от трактора в поле, к растениям. А в период жатвы любил заходить в середину поля. Колосья то ли от лёгкого дуновения ветерка, то ли от того, что я зашёл к ним в гости на поклон, слегка наклонялись, и шептали: «Приходи, ждём! Приходи чаще!» Мир, в котором я жил, с детских лет был полон запахов, звуков, красок, впечатлений и вопросов.

– Пап, а почему у нас розы разные: одни пахнут, другие нет?

– А тебе, сынок, какие любви?

– Вот эти, один раз цветущие, около забора, – и я подавал отцу срезанный перочинным ножиком стебелёк.

– Да-а... – втягивал запах отец, – пахнет приятно. Сорт старинный. Любим в народе давно.

– Понятно, – и мой взор изучал уже листья. Осмотрю куст розы и вновь к отцу:

– Пап, а почему внизу на побеге семь листьев, а у этого, что выше, всего пять?

– Нижний побег – поросль шиповника – подвой. Выше – привой, у него пять листьев.

Запоминай!

Удивляли не только краски мира растений. Удивляли капли росы, мерцание звёзд. Они притягивали в свою далёкую, потаённую глубь, несли над степью. Вводили в наивысшую степень отрешённости, такую степень, что забывалась игра, поход на речку, даже ложку за столом мог пронести мимо рта, чем поражал родителей.

И всё же, оставаясь один на один с полем, моим любимым местом, мог долго слушать шёпот колосьев, пробовать их зёрнышки на вкус.

Возникали серьёзные, недетские вопросы.

– Пап, – почему стебли вот этой травы оплели липучки? – Они – паразиты, питаются чужим соком?

Отец отвечал подробно и на этот вопрос. Слушал его, пытался понять: почему так, но не верилось, что так можно. Казалось, что это – большое горе. Так, день за днём, незаметно впитывал знания. Всякие.

Постигал новые истории мира растений. Не менее интересны были рассказы папы об агрономах, которых он знал лично или читал о них в книгах. Они представлялись мне чародеями, кудесниками. Особенно нравилась история о том, как Иван Переверзев прославился выращиванием кавунов.

– Иван, – начиналось повествование, – жил на окраине станицы. Поселился там, как он раньше рассказывал мне, лишь потому, что любил степные просторы. Их необъятность, говор, запах, их цвет.

Его отец, Матвей Галактионович в своё время слыл в кругу казаков прирождённым кудесником.

– Кудесником? Вот здорово! – ликовал я

– Овощ какой –нибудь некубанский вырастить или фруктовое дерево заморское – всё у него получалось, выхаживал. И, по всей вероятности, Иван, сын его, унаследовал отцовы задатки кудесника. Понимаешь, сын, посеет, он, бывало, кукурузу, так урожай не оберёшься. Подсолнечника – тоже, хвались – не зарвись, выше других.

О, он умел растить кавуны! Да столько, что, возят- возят с поля, а их не убывает. Будто кто ночами накатывает. Диво!

– Это да-а! Наверное, правда, кудесник!? Настоящий агроном!

Отец на минуту смолкал и потом добавлял:

– Участковым числился агрономом, на два района. Курсы окончил в 1936 году. Словом, грамотным был в своём деле – полевом.

– Мелкие семена кавуна, – показывал Матвей Галактионович на ладони, – сорт – «Огонёк». Мал золотник, да дорог: сладкий, пальцы откусишь!

– Пап, – прошу, – расскажи ещё о ком-нибудь.

– Хорошо. Слушай. Знал я в свою бытность Алексея Кочеткова. Слыл он в станице и гармонистом, и агрономом. В то время в станице было четыре колхоза. Он трудился в колхозе «Венцы зари», славился выращиванием кукурузы на зерно.

Алексей гутарил, что, дескать, «срок сева надо приурочивать к началу цветения тёрна или чуток обождать, вот тогда и гони сеялки в поле».

И ещё простой, но важный момент.

– Какой?

– Агрономический момент! – И на лице отца раскрывалась улыбка.– Бороны знаешь?

– Ну, знаю!

– Так вот, составлял сцепами и боронил до того срока, пока они не клонили растенья. Посевы, на удивление, были чисты от сорняков, росли, как на дрожжах, получал урожай из урожаев. Вот так, сын!

Награды имеет. Депутатом избирался. Много в стране агрономов, но таких преданных земле, как раньше, заметно поубавилось.

– Это – на мой взгляд, – подчёркивал папка.

– А знаменитым стать – так это положить своё умение и свою душу в поле. Учиться надо, не останавливаться на том, что умеешь. И тогда, быть может, будут успехи, сын, а, может, и награды найдут тебя. Кто знает?

Стучало сердце от таких слов, роились мысли, наползая друг на друга. Сами рассказы поражали не столько цифрами, а трудолюбием тех, кто растил урожай.

Зная, сколько надо вложить труда в эти цифры, отец гутарил о том, что часто приходилось спать в поле, о том, что поле – цех под открытым небом.

Слушая, я сожалел о том, что не застал тех знаменитостей в живых. Мечтал быть похожими на них, на отца. Я им гордился.

## Садовод Харченко

...Многие станичные улицы на Кубани представляют собой не узенькие ленточки, как в некоторых городах, а широкой, зелёной рекой вытекают в просторы полей. Обычно от двора одной стороны улицы до другой бывает до 50 метров простора, а то и шире. Да и название иной улицы вызывает удивление у гостей горожан. Улице Западной, расположенной на восточной окраине станицы, тоже удивлялись:

– Западная – на востоке? Могли бы назвать Украинной.

Но это не в духе казачьем: слово «запад» звучнее, значимее.

Но что бы там ни говорили, а она есть. Восточным концом, более широким, обнимает начало степного простора и протягивает ему ленту дороги в глубь бескрайних полей. По сути, от двора до двора не улица, а лужок для выпасов гусей, для привязи коз, телят. Травую лужок не обделит, хватит травы для всякой живности.

На этом – то просторе лужка, при своём огороде завёл садок хозяин. Посадил разные плодовые деревья. И это не по случаю, как обзаводились садками у заборов другие. Садок был заведён по любви, потому что хозяином его был не просто любитель – садовод, а агроном-плодовод.

У кого столько сортов плодовых? У Харченко! У кого убористей и слаще груши? У Харченко! Один сорт Бере – это «ржавое чудо», мёд мёдом, когда выспеет. Бере – королева груш, издавна в почёте. А ранние яблочки Белого налива – тоже пальчики оближешь!

Такая, именно такая жила и распространялась молва о золотых руках Сергея Ивановича.

«Ходячая энциклопедия» – чуть что неясно, – к нему на совет, за практикой, за новинками сортавыми или, чем другим.

И поэтому, пожалуй, по велению не случая, а по велению свыше, вела дорожка судьбы к нему, именно к его двору, к его садку уличному и саду в огороде.

А это было так.

Друг Толик Удовцов, ещё тот заядлый рыбак, соблазнил меня на рыбалку. На велосипеды и – в путь. А он пролегал по улице Западной. Харченко не минёшь. Мимо сада, на лужку, просто так не проскочишь, нажмёшь на тормоза – яблоки манят.

Садок словно вышел и предлагает: «Остановись, съешь яблочко. Что там – в сумке? Картошка? Сало? Мать тебе завернула? Неплохо! А яблочком моим не побрезгуй, человек, закуси!»

Сработал тормоз велосипеда. Сработало и желание – яблоки манят. Стоим. Глазеём. Попросить или самим за пазуху и тёку? Залаяла собака. Развернули «коней» – отъехать. Окликнул Харченко:

– Эй, казаки – рыбаки, обождите! – и раскрыл калитку.

– Яблок желаете?

Ему, мы после узнали, доставляло удовольствие угощать детвору, приезжих, а тут домо-рощенные казачки засмотрелись, остановились. Как не угостить?

– Не откажемся. Хлеба мамка положила. А мы же не на час, проголодаемся. Яблочки не порвут сумку, – поддержал агронома словоохотливый Толик.

– Рвите спелые яблоки! Успеете удить... рыбаки – казаки. Ишь, команда ранком «нарун-жилась» по полной выкладке. Что же, дело молодое.

– А желаете груш? – заманивал хозяин в сад.

Мы глянули друг другу в глаза и согласились. Не часто так сходу приглашают, да ещё на груши! Зашли в огород-сад. Увидели и ахнули! Ветки гнулись на подпорках. Меня заинтересовала яблоня. На ней было привито несколько сортов. На алыче росла слива. Что тут говорить,годились некоторые познания, спросил:

– Какие у Вас сорта яблонь?

– По делу вопрос. Отвечаю, раз интерес возник. Слушай. Вот этот сорт – Пепинка литовская, далее – Ранет ландсбергский, те вон, что у забора, из группы кандиль синапов.

– А груши?

– Есть Лесная красавица, Киффер и Бере – два сорта. Яблони привиты на подвоях группы парадизки и дусенах.

– А нас вы, меня и Толика, прививать научите?

– А что, ботаника нехитрая, навык придёт. Есть желание? Заходите – калитка открыта! Есть разные способы...

– Читал, – вступил в беседу я, – что есть прививка расщеп...

– Точнее сказать: в расщеп, Володя.

– Наверное, – согласился я.

Когда мы то, что нас интересовало, высмотрели и обо всем расспросили, весело загрузили сумки подаренными плодами и уехали рыбачить, сказав хозяину спасибо.

На реке, у берега, когда я следил за поведением поплавок, мой ум занимал не он, поплавок, а величие и многообразие увиденного сада, ряды деревьев на проволоке меж столбов, согнутые почти до земли ветви груш и яблонь. Был весь там, в саду. Сожалел о том, что не умею рисовать, чтобы запечатлеть образ сада в красках, что не умею ещё прививать.

Рыбачить расхотелось. Наудив несколько сазанов, крупной плотвы, мы раскрыли сумки и начали уплетать фрукты. Дергались поплавки, но за едой мы не успевали их подсечь. Расстроились. Скисло настроение. Смотрели удочки. Ещё определили в рот груши. Протёрли велосипеды, где надо было, закрутили гайки и – на педали!

Нажимая то на одну педаль, то на другую, я ехал неторопливо и все думал и думал об удивительном агрономе Харченко. Бывают же люди: до всякой мелочи докопаются, значит, любят свое дело, объяснят мелочь так, что уразумеет каждый. Харченко так ловко прививает и показал, в чём секрет «точки приложения» прививочного ножа. А сколько знает! Мамочки мои, если бы я столько знал! Ну, ничего, я ещё к нему вернусь, поучусь. А вот у отца и толики нет интереса к саду. Он – «железятник». Велик отладить – вот это его дело. – Всё, заседание окончено, – сказал председатель колхоза и встал.

## Годы-птицы

Годы учёбы – птицы! Прилетели, обустроились среди книг, конспектов, научили умозуму и... лети, выпускник- студент, к месту распределения, в хозяйство. Воркуй в полях.

Обустроился я в колхозе. В полях Кубани властвовала щедрая и требовательная красавица-осень. Лесополосы роняли цветные платья, расстилая и распушив их у низа комлей. За поредевшей ширмой лесополос, куда ни глянь, – подсинённая ткань неба. На просторах хлопочут трактора. Их бас гуторит о том, что сеялочные агрегаты загружены под верхи крышек сеялок. Семяпроводы, как руки, тянут зерновые нити в ложбинки нарезанных спаренными дисками ходов. Опёршись плечом о ствол ясеня, наблюдаю за ходом сеялок. Это – моя первая посевная. Хорошо «пишут» трактора, грамотно, только дым из труб, да сбавление скорости на поворотах в обратную сторону. Мне радостно. Душа ликует: мечта сбылась! Она тут, под сердцем, стучала, просилась в поле. И теперь она – хозяйка в необъятных полях!

Думая о завтрашних делах, я переехал на другое, смежное поле проверить, как по маслу ли сев. Мотоцикл – к жердёлке. И к стоящему агрегату – спешно.

– Добрый день! – Давно стоим да курим? А, Фёдор..., – глянул в блокнот, – Кириллович?

– Да час, как и есть. Не более! Зерновоз застрял в пути.

– Ясно! Тогда на стан, к рации. Выяснить.

«Что там за причина, – беспокоила мысль, – не в руку сей простой».

Вдали заметил зерновоз. Сблизились. Машина притормозила.

– Данилович, в чем дело? График подвоза нарушаем. Стоят «железные» кони.

– Вы правы. Тут ток «зашился». Мой же конь мигом туда прискочил, правда же? – И он ладошкой похлопал руль.

– Верю! Гони! Ждут! Зашились, а мы тут...

Из-за лесополосы вынырнул второй зерновоз.

– Во! То не одной машины, то сразу две! «Расшились»! – Мысленно благодарил я зерновоз.

Тормозить не стал. Шофёр посигналил, и мимо – по направлению взмаха руки.

Близилось время вечерней планёрки. На стан подошёл механик бригады Владимир Гисцев, опытный технар, беспокойная душа, спросил:

– От агрегатов? Как они там?

– Нормально, – ответил я. – Есть вопрос, Владимир Петрович, по вашей части. – Когда пустим в поле третий агрегат? Что-то с деталями? Или...

– Да. Третьи сутки помощник колесит по совхозам. Не вернулся ещё.

– Прошу Вас, очень прошу – сами подключитесь. Чтоб нам подогнать площади сева, главный агроном просил.

– Понимаю. Стараемся, – ответил механик.

После планёрки зашёл в столовую.

– Мария Сергеевна, добрый день! Объясните, почему вчера поздно подвезли обед к агрегатам?

– Ездовой замешкался. Лошадь плохо запрягалась. На непогоду что ль? Исправится. Стараемся.

Все стараются, а у меня в поле сто вопросов. Ну, ладно, понимаю, тоже запыхались.

Оказалось, что не зря лошадь капризничала у ездового. Надвинулись облака. Нудно заждало. Дождит и дождит! Сроки оптимального сева подруливают к графику: тют-тют! Кран на небе не выключается! Налило так – хоть корабли пускай. Сели совещаться: что предпринять? Головы ломали долго... туда да сюда рядили. Я предложил выход – запредельный и самый будто бы несурзанный.

– А давайте к трактору Т-4 приладим сеялку. Отвинтим сошники – всё равно толку от них ноль. Семена в кузов и – айда! – поехали!!

– Да ты что, агроном? Нас посадят в клетку!

– Хорошо, – не сдавался я, – что мы имеем? На улице дождь-раз, план сева насмарку – два, а на календаре – 20 декабря. Капут, ребята!

...Отслезился день, а утром – депеша: сеять любым путём! С самолёта ли, да хоть с лукошками в поле... все ходячие! Горит план сева района!

А дождь нещадно, струями-кнутами стегает и стегает поле, и не думает отдохнуть. И пришла к случаю мое предложение, воплотилось в действие! В поле выполз трактор. Посевщик в брезентовом плаще и сапогах заправил агрегат, встал на доску сеялки, и мотор выбросил кольца дыма. Тяжело-тяжело пополз по чернозёму.

Через два дня неожиданно прекратился дождь. Ветер, тоже молодец, выпорхнул с неба и стал расслаивать остатки туч, продувать просторы полей. Они постепенно, час за часом, подсыхали. И площадь сева, сотка к сотке, подвигалась. Трактор, надрываясь, тащил одну сеялку, оставляя позади себя колею глубиной до 20 сантиметров. Семяпроводы потряхивали «рукавами», разбрасывая семена в стороны. С зонтика срываются капли на брезентовый башлык и успокаивают: «Володя, погода налаживается, не горюй, казак»! Считаю проходы сеялки, остановки, чтоб знать, когда очищать колёса от налипшей грязи. И не замечаю райкомовской «Волги». Обернулся, когда тронули за плечо. Рядом, в резиновых новых сапогах, первый секретарь райкома.

– Сеем, Владимир Иванович? – а сам – глаза в сторону хода сеялки.

– Да!

– Правильно! – и он выдал цифру невыполненного плана сева по району.

– Это – беда, – тихо сказал я.

– Беда! Вы уж закрывайте план сева таким способом. Хорошо, что вы молодой специалист, а ситуацию разрушили.

Стал вновь накрапывать дождь.

– Продолжайте. Спасибо.– И пожал мою руку.

– Я – по району. До свидания!

Так закончился один эпизод осенней посевной. Самый поучительный. Кстати, урожай тогда был вполне удовлетворительный – на удивление бывалым хлеборобам.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.